
А. А. ПОТЕБНЯ: ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И МИФА

I

Александр Афанасьевич Потебня (1835—1891), подобно большинству отечественных мыслителей прошлого века, оставил глубокий след в разных областях научного знания: лингвистике, мифологии, фольклористике, литературоведении, искусствознании, причем все проблемы, которыми он занимался, приобретали у него философское звучание. Последующий интерес к тем или иным аспектам его творчества всегда был соотнесен с состоянием общественной мысли. Чаще он представлял узким специалистом-лингвистом; реже воспринимался как философ.

Настоящее издание ориентировано на работы Потебни, посвященные философским проблемам языка и мифа. Публикуемое в томе автобиографическое письмо Потебни (стр. 11—14) дает возможность не рассматривать специально его жизненный путь. Укажем лишь на основные факторы, повлиявшие на формирование Потебни как ученого.

Еще в раннем детстве он владел двумя языками — украинским и русским. Это двуязычие будет иметь для него принципиальное значение. Украинский язык обеспечивал Потебне чувство изначальной связи с лучшими образцами славянской народной поэзии (не случайно в своих анализах песенного творчества он чаще всего начинает с украинских текстов). В то же время русский язык для него — язык науки, повседневного общения. «Диалог» этих языков оказался исключительно плодотворным¹.

Гимназию в провинциальном польском городе Радоме он окончил не только с отличием, но и с прекрасным знанием польского языка, немецкого и латыни. И в дальнейшем Потебня использовал все представлявшиеся ему возможности для изучения языков. Командированный Министерством просвещения в 1862 г. за границу для ознакомления с европейской наукой, он занимается в основном санскритом в Берлинском университете. Во время поездки по славянским странам изучает чешский, словенский и сербохорватский языки.

Несомненное и глубокое влияние на мировоззрение Потебни оказала трагическая судьба его брата Андрея Афанасьевича Потебни — актив-

¹ Хотя сам Потебня в статье «Язык и народность» утверждал, что двуязычие в раннем возрасте затрудняет формирование цельности мировоззрения и служит помехой научной абстракции. (См.: Потебня А. А. Эстетика и поэтика. — М., 1976. — С. 263).

ного члена «Земли и воли», погибшего во времена польского восстания в 1863 году. А. А. Потербня и сам разделял идеи свободомышля; нравственный заряд, полученный в юности, он сохранил навсегда — это отмечали все, близко знавшие Потербню. Но эти же причины лежали в основе настороженного отношения к нему со стороны властей, что скорее всего и обусловило его «отшельничество», продлившееся до конца жизни.

В Потербне рано проснулся фольклорист-собираатель, тонко чувствующий живую ткань народного слова. Первые записи украинских народных песен он сделал еще в 17-летнем возрасте от своей тети — Прасковьи Ефимовны Потербни, а через 10 лет (в 1863 г.) вышел сборник украинских песен в записях А. Потербни². В письме чешскому слависту А. О. Патере (датированном 11 дек. 1886 г.) ученый писал: «Обстоятельствами моей жизни условлено то, что при научных моих занятиях исходной точкой моей, иногда заметной, иногда незаметною для других, был малорусский язык и малорусская народная словесность. Если бы эта исходная точка и связанное с ней чувство не были мне даны и если бы я вырос вне связи с преданием, то, мне кажется, едва ли я стал бы заниматься наукой»³.

Увлечению фольклором способствовала общая обстановка 50—60-х годов прошлого века — дух демократии, движение народничества, резкий рост национального самосознания на Украине, обращение к истокам, воплощенным в фольклорных произведениях.

В эти годы усиливается и обмен научными достижениями с Западом. В России вновь активно обсуждаются идеи Канта и Гегеля, переводятся сочинения В. Гумбольдта, оказавшего столь заметное воздействие на Потербню. Именно в это время зарождается специфическая синтетичность и философичность научного знания. Выразителем такого подхода и одним из его основателей в полной мере следует считать А. А. Потербню.

II

Свои научные разыскания Потербня начал с ответа на вопросы, поставленные немецкой философией и языкознанием (в частности, В. Гумбольдтом). Главный из них — о соотношении языка и мышления. При чтении его работ складывается впечатление, что, отвечая на эти вопросы, Потербня предвидел именно те коллизии, которые будут волновать последующие поколения гуманитариев. Отсюда непризнание его заслуг

² Сборник опубликован анонимно над названием «Українські пісні, видані коштом О. С. Баліної» (СПб., 1863). Совсем недавно издан прекрасный сборник «Українські народні пісні в записях Олександра Потербні» / Упоряд, вступна стаття і приміт. М. К. Дмитренко. Київ, 1988. В него вошли не только ранее опубликованные записи А. А. Потербни, но и хранящиеся в архивах.

³ Олександр Опанасович Потербня: Ювілейний збірник до 125-річчя з дня народження. — Київ, 1962. — С. 93.

некоторыми современниками, но отсюда же и удивительная современность его трудов. Многие мысли и идеи Потебни, высказанные им в общей форме и «по ходу дела» (важность которых он и сам скорее всего не сознавал), сформулированные позже другими исследователями, произведут переворот в некоторых областях знания. Так произойдет, например, с намечавшимися у Потебни идеями разграничения языка и речи, синхронии и диахронии (последнее — даже в более современном, чем у Ф. де Соссюра, понимании). Он был создателем или стоял у истоков современных подходов к исторической грамматике, исторической диалектологии, семасиологии, этно- и социолингвистике, фонетике. Способность воспринимать мир сквозь призму языка, убеждение в том, что язык формирует мысль, позволили ему увидеть в мифе, фольклоре, литературе производные по отношению к языку моделирующие системы. Через сто лет к сходным идеям придет тартуско-московская школа семиотики⁴.

Исключительная плодотворность теоретических разысканий Потебни во многом объясняется тем, что язык для него не изолированный феномен. Он неразрывно связан с культурой народа. Следуя Гумбольдту, Потебня видит в языке механизм, порождающий мысль. В языке как бы изначально заложен творческий потенциал. Мысль проявляется через язык, причем каждый акт говорения является творческим процессом, в котором не повторяется уже готовая истина, но рождается новая (см. наст. изд., с. 155—156).

При рассмотрении философской концепции Потебни редко обращается внимание на то, что, кроме категорий языка и мышления, для него первостепенное значение имеют такие категории, как «народ» и «народность». Народ для Потебни является творцом языка. Язык — порождение «народного духа». Вместе с тем именно язык обуславливает национальную специфику народа, в терминах Потебни — «народность». Сформулированная им проблема «язык и нация» (с уклоном в этнопсихологию) получила развитие в работах Д. Н. Овсяннико-Куликовского, Д. Н. Кудрявского, Н. С. Трубецкого, Г. Г. Шпета.

Обращение к понятию «народ» при решении проблемы языка и мышления объясняет постоянный интерес Потебни к вопросам соотношения коллективной и индивидуальной психологии, понимания и непонимания, психологии восприятия художественных образов. Эти вопросы затем особенно активно разрабатывались учениками и последователями Потебни — Д. Н. Овсяннико-Куликовским, В. И. Харциевым, А. Г. Горнфельдом, А. Л. Погодиным и др. С 1907 по 1927 год «харьковские потебнианцы» (представители психологического направления) издали 8 томов интереснейших сборников «Вопросы теории и психологии творчества», в которых идеи Потебни развивались не только в лингвистическом и литературоведческом, но и в других направлениях.

Потебню нередко упрекали в игнорировании коммуникативной функции языка. Это не вполне справедливо. В его концепции коммуникативность выражается самой общественной природой языка. Слово, по мнению Потебни, является продуктом не только индивидуального сознания. Для того, чтобы некая совокупность звуков стала явлением языка, необходимо внедрение этих звуков в социальную жизнь, ибо «общество

⁴ См. издающиеся в Тарту «Труды по знаковым системам».

предшествует началу языка» (наст. изд., с. 95). Коммуникативный процесс диалогичен, и понимание всегда предполагает непонимание, поскольку каждое речевое высказывание суть творческий акт и несет на себе печать неповторимости. Справедливость этого парадокса подтверждается новейшими данными теории коммуникации и исследованиями по структуре текста (несовпадение кодов адресанта и адресата).

Идея о том, что язык формирует мысль, давала возможность поставить изучение мысли на точную фактологическую (языковую) основу. Движение языковых фактов и развитие грамматических категорий рассматривалось как форма движения мысли. Отсюда главная задача истории языка: «Показать на деле участие слова в образовании последовательного ряда систем, обнимающих отношения личности к природе...» (наст. изд., с. 155). К таким системам Потебня относил фольклор, мифологию и науку. Таким образом, история языка из конкретной задачи, касающейся одной области знания, превращалась в грандиозную программу исторического исследования мысли, воплощенной в различного рода словесных текстах. К этому перечню следует добавить привлеченный Потебней в его разысканиях этнографический контекст (обряды, поверия и т. п.), литературные формы словесной деятельности, чтобы представить широту и объем не только замыслов, но и их исполнения.

Теория Потебни резко выделяется на фоне других концепций истории языка. Основной ее принцип — всепроникающая семантическая. Выявление эволюции значений — пафос всего творчества Потебни, чем бы он ни занимался — историей языка, мифологией или литературными произведениями.

В этом смысле весьма показательны его исследования в области грамматики — основной темы его лингвистических штудий. По мнению В. В. Виноградова, именно здесь Потебня проявил себя как подлинный новатор⁵. Для Потебни грамматические категории — это основные категории мышления. Пространством пересечения грамматических категорий является предложение. Структура предложения аналогична структуре сформулированной в нем мысли. Поэтому Потебня считал, что выявление эволюции типов предложения будет одновременно и исторической типологией мышления.

Эта задача в корне меняла взгляд на такую традиционную область языкознания, как грамматика, и открывала интересные перспективы. Те сюжеты, которые прежде интересовали лишь специалистов, приобретали совершенно иное качество. Например, идея Потебни о росте предикативности по мере развития языка характеризует не только эволюцию языка, но и эволюцию сознания: категория процесса, динамики становится все более характерной для мысли при движении от древности к современности. Подобного рода «грамматические» идеи Потебни позже нашли отклик в работах Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова, Г. Шухардта (так называемая теория эргативности), но явно не исчерпали себя и ждут разработки на новом уровне.

⁵ См.: Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. — М., 1978. — С. 94.

Потебня одним из первых применил антиномии для описания как явлений языка, так и содержания ранних состояний картины мира и тем самым был непосредственным предшественником структурных методов описания языка и семиотического подхода к надязыковым феноменам. Именно Потебня наметил основной набор семиотических противопоставлений славянской картины мира (доля — недоля, жизнь — смерть и др.).

Семантический принцип последовательно проводится Потебней и по отношению к слову. Точнее будет сказать, что именно слово было главным объектом его семантических разысканий. Начиная с самых ранних работ («О некоторых символах в славянской народной поэзии», «О связи некоторых представлений в языке» и др.), Потебня настаивает на необходимости изучения семантических рядов слов в более широком контексте развития языка и мышления.

Другая плодотворная мысль Потебни — о влиянии языка на мифологическое сознание. Это влияние становится особенно осязаемым при пересечении разных языковых и мифологических систем, как это произошло, например, при «наложении» христианства на русское язычество. Это направление лингвистических исследований ныне связывается с гипотезой Сепира-Уорфа, но первые шаги были предприняты Потебней⁶.

При изучении языка Потебня расширил круг источников и фактов, подлежащих истолкованию. Примат слова сохранялся, но включение слова в этнографический контекст (ритуализованные фрагменты быта, обряды) позволило перейти на новый уровень обоснований и доказательств, присущий современным исследованиям по этнолингвистике. В поздних очерках «К истории звуков русского языка» (1876—1883) в полной мере проявилось его стремление придать своим семасиологическим изысканиям культурно-исторический характер⁷.

Внимание к экстралингвистическим данным, включение материалов других славянских традиций в сочетании с установкой на реконструкцию — все это, как показал ход дальнейшего развития науки о славянских (и индоевропейских) древностях, позволяет видеть в Потебне одного из ее основателей. Исследования Е. Г. Кагарова, О. М. Фрейденберг, В. В. Иванова, В. Н. Топорова, Н. И. Толстого и других, будучи несходными между собой, в главном продолжили и углубили ту традицию, у истоков которой стоял Потебня.

Лингвистическая теория Потебни явилась фундаментом для его построений в области поэтики и эстетики. Не случайно его наиболее важные идеи в этой области (об изоморфизме слова художественному произведению, внутренней формы слова — образу в художественном произведении и др.) базируются на лингвистических категориях⁸.

⁶ Из многочисленных конкретных разработок в этой области, прямо продолжающих линию А. А. Потебни, см. прежде всего: Успенский Б. А. Влияние языка на религиозное сознание // Труды по знаковым системам. — Вып. IV. — Тарту, 1969. — С. 159—168.

⁷ Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. — М., 1978. — С. 185.

⁸ Подробнее о вкладе А. А. Потебни в лингвистическую поэтику и эстетику см.: Чудаков А. П. А. А. Потебня // Академические школы

Исследования Потебни в области символики языка и художественного творчества привлекли в начале XX века самое пристальное внимание теоретиков символизма. Андрей Белый посвятил ему специальную статью, в которой мысли Потебни рассматриваются в качестве теоретической основы символизма⁹. Многочисленные переключки с идеями Потебни содержатся в сочинениях Вяч. Иванова, В. Брюсова и других символистов. Каждый из них находил у Потебни подтверждение своим мыслям: А. Белый — о «мистике слова», «теургической функции искусства»; В. Брюсов — о поэтическом произведении как синтетическом суждении; Вяч. Иванов о связи поэзии с фольклором¹⁰ и др. Что же касается общей для символистов идеи о необходимости возврата к народной стихии мифотворчества, то она как раз несвойственна Потебне, который считал, что современные языки не менее поэтичны, чем древние¹¹.

Как видно даже из такого краткого изложения, философско-лингвистическая концепция Потебни была и остается работающей концепцией. Закономерно, что она привлекает пристальное внимание не только историков науки и лингвистов, но и культурологов, семиотиков, специалистов в области поэтики и эстетики.

III

Теория мифа Потебни — часть его общей, подчеркнута диахронической концепции языка и мышления. В рамках этой общей теории миф является своего рода точкой отсчета, началом начал всей дальнейшей эволюции духовности *sub specie* языка: миф → поэзия → проза (наука). Творчество самого Потебни в какой-то мере соответствует этой схеме. Мифологии посвящены преимущественно его первые работы: «О некоторых символах в славянской народной поэзии» (1860), «О связи некоторых представлений в языке» (1864), «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» (1865), «О доле и сродных с нею существах» (1867) и др. Вновь к этой тематике Потебня обращается в конце 70-х и в 80-е годы¹². Кроме того, много ценных соображений о теории мифа

в русском литературоведении. — М., 1975. — С. 305—354; Пресняков О. Поэтика познания и творчества. Теория словесности А. А. Потебни. М., 1980; Иванько И., Колодная А. Эстетическая концепция А. Потебни // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. — С. 9—31. Fizer J. Alexander A. Potebnja's Psycholinguistic Theory of Literature. A Metacritical Inquiry. — Cambridge, 1988.

⁹ А. Белый. Мысль и язык (философия языка Потебни) // Логос, 1910. — Кн. 2. — С. 240—258.

¹⁰ А. Белый. Символизм. — М., 1910. — С. 481 и др.; В. Брюсов. Синтетика поэзии // Собр. соч. Т. 6. М., 1975. — С. 557—570; Вяч. Иванов. По звездам. — СПб., 1909; он же: Борозды и межы. — М., 1916.

¹¹ См. подробнее: Пресняков О. Указ. соч. С. 150.

¹² В 1878 г. в «Филологических записках» опубликована его работа «Слово о полку Игореве. Текст и примечания», наполненная фольклорно-мифологическими параллелями. В 1880 г. — рецензия на кн. Я. Ф. Головацкого «Народные песни Галицкой и Угорской Руси». В 1883 г. издан первый том, а в 1887 г. — второй том работы «Объяснения малорусских и сродных народных песен».

было высказано им в лекциях по теории словесности, записи которых изданы уже после его смерти (Из записок по теории словесности. — Харьков, 1905).

Следуя своей общей рационалистической концепции, Потебня видит в мифологии первый и необходимый этап в прогрессирующей эволюции типов познания действительности. Эволюция мифов, по его мнению, свидетельствует не о падении (как у представителей мифологической школы), а о возвышении (точнее — усложнении) человеческой мысли. Аналогия между мифом и научной деятельностью проявляется как в общей для них ориентации на познание окружающего мира, так и в характере объяснения: и миф, и наука используют общий принцип объяснения по аналогии.

Мифологическое мышление, с точки зрения Потебни, отличалось от последующих форм тем, что в нем еще не произошло отделения образа вещи от самой вещи, объективного от субъективного, внутреннего от внешнего. В мифологической картине мира в нерасчлененном виде содержатся те знания, которые позже будут классифицироваться как научные, религиозные или юридические (ср. теорию синкретичности А. Н. Веселовского). Вместе с тем миф — отнюдь не произвольное нагромождение ложных или истинных сведений: «...для мысли, создающей мифический образ, этот образ служит, безусловно, лучшим, единственно возможным в данное время ответом на важный вопрос. Каждый акт мифический и вообще действительно художественного творчества есть вместе акт познания. Самое выражение «творчество» могло бы не без пользы замениться другим, более точным, или должно бы стать обозначением и научных открытий. Ученый, открывающий новое, не творит, не выдумывает, а наблюдает и сообщает свои наблюдения как можно точнее. Подобно этому и мифический образ не выдумка, не сознательно произвольная комбинация имевшихся в голове данных, а такое их сочетание, которое казалось наиболее верным действительности» (наст. изд., с. 483).

Для Потебни миф — это прежде всего специфическое слово. Говоря языком современной науки, его не интересовала синтагматика (сюжетика, принципы развертывания) мифа. Он был полностью сосредоточен на его парадигматических (смысловых) аспектах. По мнению Потебни, миф рождается как результат двойной мыслительной процедуры: сначала земные предметы и явления послужили ответом на вопрос об устройстве небесного мира, и лишь после этого возник вопрос о самих земных объектах. Ответом на него служат представления о небесном мире. Иными словами, человек сперва создает модель небесного мира на основе своего земного опыта, а затем объясняет земную жизнь с помощью модели небесной жизни. Причем небесная символика для Потебни — не единственный (как считали приверженцы солярной теории мифа — А. Кун, В. Шварц, А. Н. Афанасьев, О. Ф. Миллер), а лишь один из нескольких уровней мифологического текста. Такое понимание семантики мифа вплотную приближается к современным взглядам.

С теорией мифа непосредственно связаны разыскания Потебни в области символики фольклора. Происхождение символов, с его точки зрения, вызвано самим ходом эволюции языка и мышления. Слова по-

степенно утрачивают свою внутреннюю форму, свое ближайшее этимологическое значение. На его восстановление и ориентированы символы, используемые в народной поэзии. Идея проявления исходного смысла слов в различного рода поэтических формулах и тропах приобрела особое значение в современных разысканиях в области этимологии. Потебня считал, что в одном и том же образе могут ужиться различные представления, вплоть до противоположных¹³. Поэтому наполнение символов у него оказалось гораздо объемнее, чем у предшественников (например, у Н. И. Костомарова)¹⁴. Многозначность оказывалась их естественным свойством. В современных исследованиях символики это положение стало аксиомой, и первым его обосновал в теоретическом плане и широко использовал в конкретных разработках именно Потебня.

Каждая из упоминаемых идей Потебни не только имеет продолжение (часто не одно), но и до конца не исчерпала заложенных в ней смыслов. Творческий потенциал философского наследия Потебни столь велик, что можно не сомневаться в его долгой жизни.

А. Байбурин

¹³ Потебня А. А. Объяснение малорусских и сродных народных песен.— Т. I.— Варшава, 1883.— С. 41—42.

¹⁴ Костомаров Н. И. Об историческом значении русской народной поэзии.— Харьков, 1843. Эта книга, по признанию Потебни, оказала влияние на его магистерскую диссертацию «О некоторых символах в славянской народной поэзии». Позднее Н. И. Костомаров переработал ее, и она была переиздана в существенно расширенном виде. См. последнее издание: Костомаров Н. И. Историческое значение южно-русского народного песенного творчества // Собр. соч. СПб., 1905. Кн. 8. Т. 21. С. 425—1084.